

УДК 130.3+141

Горулько А. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ЯЗЫК КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В НЕМЕЦКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье освещается взгляд на формирование новой для европейской философии онтологической категории – «язык», которая положила начало ключевым направлениям философской мысли XX в. Онтологический статус язык получает в единстве с основным понятием немецкого романтизма и классики – Духом. Особое значение это соотношение приобретает в работах В. Гумбольдта и Г.В.Ф. Гегеля. Здесь Дух обращается к познанию мира, используя набор категорий, который предлагает ему мышление, а язык определяется через тождество бытия и мышления.

Ключевые слова: немецкий романтизм, Дух, язык, категория, бытие, мышление.

У статті висвітлюється погляд на формування нової для європейської філософії онтологічної категорії – «мова», яка поклала початок ключовим напрямкам філософської думки XX ст. Онтологічний статус мова отримує в єдності з основним поняттям німецького романтизму і класики – Духом. Особливе значення це співвідношення набуває в роботах В. Гумбольдта і Г.В.Ф. Гегеля. Тут Дух звертається до пізнання світу, використовуючи набір категорій, який пропонує йому мислення, а мова визначається через тотожність буття і мислення.

Ключові слова: німецький романтизм, Дух, мова, категорія, буття, мислення.

The article highlights the view of the formation of a new ontological category of European philosophy – the "language", which marked the beginning of the key areas of philosophical thought of the XX century. Language gets an ontological status in unity with the fundamental concept of German Romanticism and the classics – the Spirit. This relationship is particularly important in the works of W. Humboldt and G.V.F. Hegel. Spirit here refers to the knowledge of the world, using a set of categories, which offers him a way of thinking, and the language is determined by the identity of being and thinking.

Keywords: German romanticism, the spirit, language, category, being, thinking.

На сегодняшний день практически ни одно философское исследование не обходится без обращения к понятию «язык», его месту и содержанию в философских школах и других направлениях гуманитарной мысли. Язык оказывается универсальным и общим для всех современных направлений элементом философской системы, который позволяет нам не только осуществить путешествие по ее структурам, охватить ее категории во всей полноте и единстве, но проводить параллели и связи между взглядами различных философов. От того, как определяется и понимается язык, во многом зависит не только предмет и задачи, которые ставит перед собой мыслитель, но и применяемый им методологический аппарат. Определив особое место языка в философской системе того или иного автора, мы имеем возможность настроить актуальный для современного исследования угол зрения, особый фокус на философию в целом.

Цель данной статьи – сформулировать проблематику нового *актуального* взгляда на место категории «язык» в философской мысли конца XVIII – начала XIX века, в частности – в философии немецкого романтизма. Интерес к языку красной нитью проходит через всю историю философии, но актуализируется он в преддверии современности, в философии немецких классиков и романтиков. Язык оказался тем понятием, которое всегда найдет себе пару и будет актуальным в любом дискурсивном поле. Сегодня такое место языка представляется совершенно очевидным, о чем нельзя с уверенностью утверждать по поводу романтического периода в силу малой *разработанности проблемы* и отсутствия русскоязычных критических материалов.

Первые методические обращения к языку, как отдельному объекту осмысления, которые и положили начала современному лингвоцентризму, были предприняты в конце XVIII – первой половине XIX столетия в трудах немецких романтиков и представителей классической немецкой философии. Язык становится понятием, требующим исследований и аналитической работы в рамках истории, антропологии, сравнительного языкознания, психологии. Но почему особое значение он приобретает в философии? Если в

вышеперечисленных дисциплинах язык становился предметом рассмотрения, как некоторый ключ к осмыслению интересующих их вопросов, почему в философии он выделился в отдельную категорию, и можем ли мы с уверенностью утверждать, что уже тогда язык приобрел свой онтологический статус, который имеет сегодня? Таким образом, в данной статье мы ставим перед собой *задачу* в философских системах и концепциях представителей немецкой романтической философии подвергнуть язык критике с точки зрения онтологичности, что потребует формулировки соответствующих критериев.

В античную эпоху о языке говорили в рамках теории идей, средневековые поднимало спор об универсалиях, новоевропейская традиция заговорила о явлениях, немецкие классики и романтики – о Духе. Современность видит язык носителем особых онтологических структур, сопричастных или даже тождественных не только миру индивидуальному – моему Я, а миру природы, социума, даже тому, что в абстрактности своей охватывает все эти категории – самому бытию. Онтологическое – это то, что характеризует бытие. Бытие выражает себя в мире и сознании человека в самых общих понятиях – категориях, которые в свою очередь дают начала конкретным вещам. Т.е. через категории человеку открывается возможность постигать бытие.

Такую возможность для немецкого романтизма и классики предоставило понятие Дух (Geist), которое стало ключевым для всей философии. Не смотря на то, что Германия увлекалась и возрождала античность словом и мыслью И. Винкельмана, И. Гёте, братьев Шлегелей, Ф. Гёльдерлина, данное понятие не возникло из заимствований греческой традиции, как многие другие философские понятия, а было навеяно спецификой самого немецкого языка и немецкой философии. И.Г. Гердер ставил задачу пробудить немецкий язык, а В. Гумбольдт считал его особенностью одной из причин того, что понятие «дух» стало употребляться в философском смысле, т.к. оно сохранило в себе понятие силы и подлинной сущности. Понятие Дух не создавалось И. Гёте, романтиками или классиками. Оно уже существовало в интеллектуальной среде того времени, действовало, устанавливало новые отношения в литературных и поэтических произведениях, воплощалось в театральных постановках и только оформлялось в философских текстах.

Приобретая самостоятельное, в чем-то мистическое значение, Дух становится абсолютной, действующей и движущей ход истории силой. В таком понимании он вступает в новые отношения. Внимание философов приковывает не соотношение Духа и Материи, а его связь с народом, государством, природой. А также возникает новое и характерное именно для этой эпохи, породившей такие области научных и философских интересов, как история и языкознание, соотношение Духа и языка. Таким образом, онтологический статус категории языка обнаруживается из соотношения его с Духом. Пара Дух – Язык образует собой не бинарную оппозицию духовного и материального начала, суть их соотношения вырастает не в противопоставлении, а в единстве, выражении и зависимости одного от другого. Данное слияние было вполне закономерным в рамках немецкой философской традиции того времени, в которой онтологическое и гносеологическое отождествлялись. В онтологической категории мышление обнаруживает свое равенство с бытием или бытие совпадает с мышлением, к чему в результате, например, приходит Г.В.Ф. Гегель.

Итак, Дух оказывается той категорией для немецкой философии, которая становится звучанием бытия. Что же тогда представлял собой язык?

Фридриха Гёльдерлина можно назвать настоящим певцом Духа. Он не построил самостоятельную систему, на что, по мнению исследователя Рудольфа Гайма, у него не хватило сил и методической ясности. Но Р. Гайм отмечает возникновение «фантастической философии» о «великом хозяине миров», изложенной в переписке с Г.В.Ф. Гегелем [1, с. 269-273]. Воззрения на язык выражаются Ф. Гёрдерлином в единстве философии и поэзии, ведь язык он видит как поэтическое выражение духа индивидуального и всеобщего.

Иоганн Готфрид Гердер был сторонником романтического кружка «Бури и натиска», другом И. Гёте. К его заслугам относят новое понимание истории и, главным образом, создание новой для своего времени теории языка. Его выступление против воззрений на язык П.Л. Мопертюи и И.П. Зюсьмилха можно считать началом нового языкознания, которое было продолжено В. Гумбольдтом и послужило основанием современной лингвистики. Живую, деятельную силу природы И.Г. Гердер называет духом, который овладевает телом и от которого берет свое начало душа человека. Он особое значение придавал чувственному

восприятию. В результате восприятия внешнего предмета в душе человека складывается образ. Этот образ и мысль отличаются от действительного предмета или явления, на которые направлены органы чувств. Таким образом, душа образует свои понятия, а язык является «духовным средством образования идей». Дух человека принимает не слова, которые только напоминают нам об идее, а сами идеи, мысли. Получая такую «пищу», дух растет [2, с. 127]. Дух занят своей внутренней жизнью и «в нас складывается внутренний духовный человек», сознание которого образовано благодаря «духу гуманности» [2, с. 128]. На метафизическую природу языка указывает сравнение его И.Г. Гердером с духовной «пружиной», которую, как божественный дар, вложил в человека Создатель и которая приводит все в человеке в движение. Однако божественный дар способности к языку не означает божественного происхождения языка, именно против этого выступал И.Г. Гердер. Язык имеет корни в человеке, в его мысли. Сознание И.Г. Гердер называет свойством человека, а язык – его изобретением.

Мы видим, что для романтических философов язык, в первую очередь, представлял собой не звуковое или буквенное выражение мысли, а некоторое отображение духовного начала мира. Индивидуальное самосознание, сознание и духовные искания народа, целой эпохи – все это, по мнению романтиков, находило выражение и в то же время движущую силу в языке. Для романтического философа не представлялось сомнительным, то, что Дух является непосредственным выражением чистого бытия. Эта мысль усиливается в дальнейшем в философской системе Г.В.Ф. Гегеля. Однако, не смотря на всю глубокую связь с Духом, Язык через свою функцию выражения запятнан в опосредованности. Мысль в своем постижении опирается на категории, носителем которых является язык, и с помощью этих инструментов мышление образует понятия – образы действительных вещей, выражения идей. Дух формирует идею, а язык – понятие. Таким образом, Дух является категорией бытия, а Язык – категорией сущего. Напрямую такое различие можно встретить разве что в философской системе Г.В.Ф. Гегеля, однако оно же в ней и снимается.

Наиболее наглядно схема взаимоотношения Духа и Языка через категориальность представлена в работах философа, антрополога и лингвиста Вильгельма Гумбольдта. В. Гумбольдт говорит о том, что человеку необходимо искать «конечную цель, единый и абсолютный масштаб» [4, с. 337], с которым он может все соизмерить. Это можно обнаружить в себе самом, оно должно быть близко к человеческой природе, его внутренней сущности. Такое нечто имеет, с одной стороны, индивидуальный характер, оно присуще каждому отдельному человеку. Но в то же время оно оказывается и чем-то общим. Оно, «будучи всегда одним и тем же, должно обладать способностью реализоваться разнообразными способами» [4, с. 339], оно принадлежит каждому отдельному индивиду и реализуется в нем. Эта цель общая и индивидуальная одновременно. Данная характеристика подходит одновременно и Духу Человечества, и языку, неразрывная связь которых подчеркивается тем, что центральное в философской антропологии В. Гумбольдта понятие Дух (Geist) встречается в основном в его лингвистических работах. С помощью духа он объясняет существование и различие языков, употребление конкретного языка, речи, письма и др. Мышление народа, в философско-лингвистической концепции В. Гумбольдта, формируется на основании категорий, которые дает ему язык.

Уже в работах В. Гумбольдта, посвященных исследованию связи языка с духом и мышлением, язык приобретает метафизический статус. В. Гумбольдт считал, что мышление и язык представляют собой неразрывное единство, так же, как дух народа и язык. Дух здесь приобретает индивидуальное проявление. Мысль – это чувственные формы, движения духа. Хотя понятия у всех одинаковые, язык у каждого человека свой. В. Гумбольдт устанавливает особенную связь между понятием и словом, выражаемым речевым актом, с помощью звука. Здесь язык играет важную роль, как «орган, образующий мысль», «обязательная предпосылка мышления» [3, с. 75-77]. В. Гумбольдт выделяет материю и форму языка. Материя языка противостоит форме, но не отделима от нее. Очень сложно выявить чистую материю, т.к. некоторый элемент может представлять собой и материю для одного отношения, и форму для другого. В. Гумбольдт определяет «действительную материю языка», которая представлена совокупностью чувственных впечатлений и произвольных движений духа, а также самим звуком, которые предшествуют образованию понятия в языке [см.: 3, с. 73]. Таким образом, множество форм, подчиняющих себе материю, образуют единый духовный порыв –

деятельность духа, а следовательно – язык. Язык есть сама деятельность духа и сила, приводящая дух в деятельность. Он представляет собой отдельный мир, возникающий между действительностью и мыслью, связывающий и отождествляющий их.

Если у В. Гумбольдта мышление еще неразрывно связано со сферой чувственного, областью сущего, и язык рассматривается им больше как выражение духа каждого конкретного народа, то появляется мыслитель, которого сложно однозначно отнести и к классикам, и к романтикам, и который возводит Дух и Язык на новый уровень абстракции. Применяя по-своему уникальный метод диалектики Г.В.Ф. Гегель снимает сферу чувственного, обращая нас в область чистой метафизики.

Дух Г.В.Ф. Гегель понимает как субстанцию, ставшую субъектом. Субстанция различает себя в себе и направляет на себя свою деятельность, т.е. становится самостоятельным, самосознающим субъектом. Гегелевский субъект совпадает со своим объектом, в этом дух стремится прийти к своей действительности. Понятие Дух Г.В.Ф. Гегель возводит до наивысшей абстракции, в отличие от романтиков, у которых дух еще индивидуален, хотя они уже говорят о «духе времени», «духе народа», «духе человечества». Но, не смотря на такое понимание, Дух в своем развитии проходит стадии индивидуального сознания, осуществляет модель, по которой следует личность в своем становлении. В «Философии духа» Г.В.Ф. Гегель наглядно показал, как дух, реализуясь в человечестве, обществе, развивается по пути, который проходит каждый отдельный человек: от ребенка в утробе матери до самостоятельного индивида, способного реализовываться в труде, искусстве, политике. Подобно тому, как гётевский Мастер проходит путь духовного становления, так мировой дух проходит ряд этапов самопознания в «Феноменологии духа», которая стала прелюдией и основанием его философской системы. Представления о языке вплетены в гегелевское учение, их не возможно вырвать, вычленив из канвы его системы. О языке нельзя говорить в отрыве от общего контекста, т. к. он еще больше, чем у романтиков привязан к Духу.

Дух у Г.В.Ф. Гегеля реализуется через самосознание, которое повторяет стадии самопознания мирового духа. Его «Феноменология духа» – это история самосознания, опыт сознания на пути к абсолютному знанию самого себя. Сознание здесь понимается как в узком, гносеологическом смысле, так и в значении проявления и самоопределения Духа. На пути к абсолютному знанию о самом себе самосознание проходит ряд этапов, изложенных Г.В.Ф. Гегелем в трехчастной модели: сознание, самосознание и абсолютный субъект. Через самосознание дух воплощается в мышлении, а оно обнаруживает себя в языке. Деятельность духа, абсолютное мышление реализуется в языке, религии, искусстве, науке, морали, философии. Язык у Г.В.Ф. Гегеля возникает как сфера отчуждения, объективации духа и воплощения мышления. Поэтому Г.В.Ф. Гегель чаще подразумевает язык, чем прямо говорит о нем. Именно на этапе самосознания Духа, когда и происходит различие бытия и сущего, формируется понятие, образ бытия – слово. Здесь Дух сталкивается с областью конкретного, сущего и стремится преодолеть его, вернувшись в тождество бытия и мышления. На последней стадии абсолютный субъект – это совпадение в духе объективного и субъективного, а в языке – бытия и мышления.

С полной уверенностью можно сказать, что Г.В.Ф. Гегель дал все основания к дальнейшему рассмотрению языка, как того, что составляет пару мышлению. Это, возможно, и послужило дальнейшему угасанию интереса к соотношению языка с духом, актуального в рамках романтической традиции. Но именно оно составило платформу для построения спекулятивной модели, где возникает триада: дух – мышление – язык. Во второй половине XIX века и в веке XX эта триада лишается своего первого элемента, послужившего связующим звеном между двумя направлениями в немецкой философии конца XVIII – первой половине XIX столетия: классикой и романтизмом. Понятие Дух уходит из философских исследований, но оставляет язык в качестве новой философской онтологической категории, формирующей особые области знания и их методы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайм Р. Романтическая школа: Вклад в историю немецкого ума / Р. Гайм; [пер. с нем. В. Неведомский]. – М.: Солдатенков, 1891. – 774 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель; [пер. с нем.] // Сочинения. – М., 1959. – Т. 4. – 438 с.

3. Гегель Г.В.Ф. Философия духа / Г.В.Ф. Гегель; [пер. с нем. Б. А. Фохт] // Энциклопедия философских наук. – М., 1977. – Т. 3. – 371 с.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер; [пер. с нем. А.В. Михайлов]. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; [пер. с нем.]. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт; [пер. с нем.]. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.